

А

1. ААРОН

...призвав косноязычного Моисея к пророческому служению, Яхве велит ему взять Аарона своим толмачом. В предании роль Аарона вторична: его призвание опосредствовано участием в миссии Моисея.

Странная участь Аарона отразилась в моей судьбе, как в тусклом квадрате зеркала, пригодного разве что для поспешного бритья поутру. Подобно моему предшественнику, я не страдаю косноязычием; как и у него, у меня отродясь не было собственной «великой миссии». Нерадивый, непутовый, но истово преданный своему господину толмач, вот уже несколько лет, прикусив от усердия кончик языка, я перевожу на язык слов экстатическое бормотание невидимого «косноязычного Моисея», ошивающегося где-то поблизости чуть ли не со дня моего рождения. Смысл его почти нечленораздельного лепета порой темен и невнятен даже для меня самого. Старомодный поэт назвал бы моего Моисея «музой», но какая, к черту, муза из этого неистового старца с тяжелым характером?!

Как и всякий человек, посвятивший себя созданию текстов, сам по себе я ничего не значу, и мой посох не превратится в змею на глазах изумленного фараона, если я дерзну совершить сей подвиг самовольно. Но пусть только последует приказ моего неукротимого Моисея — и не десять, а сто казней египетских нашла я на первого, кто под руку подвернется, не потрудившись пролить слезу сочувствия над затрепанным «личным делом» своей жертвы. Я ненавижу принуждение и прихожу в ярость от любой, даже дружественной попытки вмешаться в мою жизнь, но

когда поблизости появляется мой Моисей, я становлюсь ретивым служакой. Я готов покрасить траву у забора и рассчитаться на «первый-второй», если только он пожелает. Я могу не часами — столетиями! — поддерживать вздетые руки моего босса, господина и повелителя: пусть он молится своему загадочному суровому богу, если уж мне не дано. Его косноязычное бормотание достигает не слишком чутких ушей той силы, по воле которой делает свои вдохи и выдохи Вселенная, а моя гладкая речь — только для человеческого слуха, так уж все устроено.

А порой, когда зимняя ночь оказывается слишком уж долгой и я всем телом ощущаю тяжесть зыбучих песков утопившего меня времени, я — могущественный раб, по прихоти своего господина смиренно превративший в змей не одну тысячу посохов! — прошу судьбу об одном: лишь бы не выяснилось в самом конце пути, что никакого Моисея никогда не было...

2. АБДАЛЫ

...существует суфийский миф об абдалах — скрытых святых, управляющих миром...

- Я отношусь к предсказателям настороженно...
- Угу, они все врут.
- Ну, некоторые врут, конечно, но не о них речь. Я говорю о настоящих.
- А есть настоящие?
- Почему нет? Если есть подделки, где-то должен быть оригинал.
- Странный подход.
- Подход как подход.
- Но ты же сам говоришь, что относишься к ним настороженно?
- Ну... Скорее с опаской. У меня есть теория...

— Теория? Тиорéя, диарéя...

— Цыть! Внимай и трепещи. Я думаю, что судьба человека вполне пластична и подлежит переделке. Но только до тех пор, пока она не сформулирована. Пресловутая свобода выбора имеет место лишь на диких пустошах судьбы, пролегающих между возделанными, описанными и непролоченными участками... Конечно, не обязательно быть великим пророком, чтобы прибить чужую жизнь гвоздями к очередному событийному забору...

Я стараюсь не для Мика, коего давно причислил к разряду наиболее бессмысленных собеседников, и не для Наташки, которая, кажется, спит. Просто меня несет (*несет меня лиса сквозь дикие леса, ага*). Чуден Макс при тихой погоде, и редкая птица долетит до середины моего монолога.

— Вот смотри, — продолжаю, не обращая внимания на младенческую муть в глазах заскучавшей жертвы. — Предположим, ты проснулся утром, грохнул чайник на плиту, пошел умываться. Ты сонный, ничего еще не соображаешь. В этот момент предстоящие тебе события и вещи, которые никогда с тобой не случатся, тождественны, они смешаны в одну большую кучу под условным названием «возможное». И тут на кухню выходит твоя маман и начинает нудить: опять проспал, троллейбусы ходят плохо, опоздаешь в институт, у тебя первая пара — сопромат, а Алексей Никитич давно на тебя сердит, ой, смотри, допрыгаешься; а когда тебя домой ждать, небось опять ночью заявишься от своего Макса, будешь винищем вонять на весь подъезд... Ну и так далее, по полной программе — что, ты свою мамашку не знаешь?

— Спасибо, поднял ты мне настроение!

— Сам дурак, пожилой мужик уже, двадцать лет на свете прожил, а от мамки с папкой на край света съехать ума не хватает. Ладно, твое дело... Так вот. В тот момент, когда твоя маман нудит поутру на кухне, она наивно полагает, будто ее речь окажет на тебя целительное воспитательное воздействие, ты уразумеешь, наконец, что такое хорошо и

что такое плохо, покаянно упадешь на ее грудную клетку, после чего немедленно исправишься. А на самом деле она просто формирует программу твоего дня. Ты уже *знаешь*, что будешь двадцать минут ждать этот паршивый троллейбус, опоздаешь в свой сраный институт, поругаешься там со старым мудаком Аникой, а вечером зайдешь ко мне с бутылкой вина, потому что все погано и надоело, а Макс — трепло, но умеет поднимать настроение... И ведь умею же. Всем, кроме себя. Глаза б мои меня не видели!

— Ты чего вдруг?

— А ничего. Грустить изволю.

— Ты сначала объясни, что хотел сказать, а потом грусти.

— А я и так уже все объяснил. Твоя матушка — не бог весть какая Кассандра. Но есть такая разновидность черной магии, которой каждый человек владеет от рождения: предсказывать судьбу своим ближним. Вернее, не предсказывать, а навязывать свою версию. Она тебя поймала тепленьким, сонным, не соображающим ничего. В общем, в тот момент, когда ты слабее ее. Оформила в слова свое незамысловатое представление о твоём ближайшем будущем, и все, ты попал. Она уже запрограммировала твой день — не со зла, конечно, а по недомыслию, — а ты и сопротивляться не стал. А уж когда какой-нибудь авторитетный «пророк» сформулирует вслух свою версию, тут вообще пушной зверь песец с потомством на дорогу выходит... Ясно тебе?

— Ну да. Но теория так себе. Ну, сказали. Ну, вслух. И что? Слишком уж большое значение ты придаешь словам.

— Да, большое, пожалуй. Но не только я. Это свойственно всей человеческой культуре, а мы с тобой в этом котле, как ни крути, варимся. Уже, считай, сварились.

— Когда я слышу слово «культура»...

— Что, рука, небось, тянется к парабеллуму?

— Да нет, к бутылке.

— Ну, далеко тянуться тебе не придется.

— Угу... А вот и Наталья при слове «бутылка» проснулась.

Ташка, к слову сказать, проснулась несколько раньше. Боковым зрением я заметил, что она смотрит на меня из-под опущенных ресниц так, словно впервые увидела. А видела она меня в те дни, мягко говоря, регулярно. Чуть ли не ежедневно. Ужас ли, прелесть ли провинциальной жизни состоит в том, что все видят всех ежедневно. Это называется «свой круг». Для того чтобы стать центром этого круга, не так уж много требуется. Всего лишь собственная жилплощадь — пусть даже двенадцатиметровая комнатка в гулкой коммуналке — плюс неумение регулярно вышвыривать со своей территории воинствующих завоевателей и лукавых послгов, официальных дружественных визитеров, верных вассалов, бывших и будущих наложниц, вражеских шпионов, агентов влияния и прочих захребетников. Захватчики искренне полагают, что твоя жизнь принадлежит им; и все бы ничего, но доводы их убедительны, объятия цепки, а дружеская тирания — желанна.

Я был центром такого круга, я знаю, о чем говорю. Утром одиннадцатого мая тысяча девятьсот девяносто второго года я (в который раз уже) установил, что меня тошнит от сомнительной привилегии быть содержателем маленького запасного рая для полутора человек и нескольких дюжин человекообразных. К ночи настроение мое так и не переменилось. «Мне бы чего попроще, — думал я, — мне бы на остров какой необитаемый, мне бы в мамоновский “лифт на небо” зайти по рассеянности, мне бы в ночные портье податься или просто уехать туда, где меня никто не знает, где я и сам себя знать перестану, мне бы, мне бы... Ах, мне бы!»

Ну, положим, я всегда был мечтателем, зато мечты у меня высочайшего качества; я уже давно обнаружил, что все они сбываются: рано или поздно, так или иначе, причудливым каким-нибудь образом, через пень-колоду, а то и вовсе через задницу, но сбываются. Непременно. Неотвратимо. Блин.

— Ма-а-акс, — сонно, нараспев позвала меня Наташка, когда ее приятель отправился в очередное «путешествие на

запад» (переехав в эту коммунальную квартиру, я обнаружил, что завершающийся уборной коридор обращен строго на запад и с удовольствием сию тему эксплуатировал).

Я возрадовался, ибо сегодня моя старинная подружка была как-то подозрительно молчалива. «Ночь не спала» — скверная отговорка: кто ж по ночам спит-то? То-то и оно...

— Так ты Оллу знаешь, получается?

— Не знаю. Слышал, кажется, что-то, но... Она гороскопами торгует? Или я путаю?

— Скорее всего, не путаешь. Но Олла ничем не торгует. Гороскопы она, конечно, умеет составлять. И по руке гадает, и на картах. На обычных, и на картах Таро, и еще на каких-то странных картах, я таких нигде больше не видела, и И-цзин знает, и руны, и воск расплавленный в воду льет, а может просто книжку наугад открыть, и окажется, что там все про тебя написано... Ох, Макс, как только она не гадает! А еще говорят, она может внезапно уколоть человека булавкой и по его крику определить, какой смертью он умрет.

Я зябко поежился.

— Не могу сказать, что жду не дождусь такого пророчества...

— Некоторым нравится. К ней один бандит приходил, Олла сказала, что он от цирроза печени умрет. Так тот ушел счастливым: главное, дескать, что не от пули и не от ножа... Денег ей дал кучу! — Наташка развела руки в стороны, наглядно демонстрируя объемы денежной массы, поступившей в распоряжение гадалки. По всему выходило, что легендарная Олла теперь обеспечена всеми материальными благами цивилизации на несколько перерождений вперед — если только облагодетельствованный бандит не расплачивался медяками.

— М-да... — завистливо промычал я, не в силах устоять перед гипнотическим обаянием вышеописанной кучи. — Но почему, кстати, ты решила, что мы знакомы?

— Да вот, когда я упрашивала ее мне погадать, Олла сказала мне ровно то же самое, что ты сейчас Мику тер. Дескать, смотри, дорогая, пока у тебя есть много разных дорожек, и ты можешь пойти по любой, а если я выполню твою просьбу, останется только одна дорожка: та, о которой я тебе расскажу. И нет якобы никаких гарантий, что это будет самая лучшая «дорожка». Но я тогда выпила, храбрая была, сказала: знать ничего не хочу, гадай, и все тут!

— Ну и?

— А нельзя рассказывать, Макс. Но... Все, кажется, правда. И меня это не очень радует... Но это ерунда: радует, не радует. Ведь ерунда?

— Тебе виднее.

— Надо вас познакомить, — Наташка уже отвлеклась от горестных размышлений о предсказанной ей судьбе, вошла в свой любимый образ светской львицы, которая знает всех-всех-всех на свете и очень любит этих самых «всех» сводить зачем-то. Тоже ничего себе вклад в великое дело всеобщей энтропии.

— Ну, познакомь, если надо, — равнодушно согласился я. Такое уж у меня было в тот вечер меланхоличное настроение, что Ташкино предложение не вызвало у меня ни энтузиазма, ни, напротив, опасений. Ни единого хиленького предчувствия не родилось в сонном моем сердце; так могла бы реагировать засушенная бабочка на обещание владельца коллекции показать ее радужный трупик очередному энтомологу-любителю. Дескать, раньше надо было спрашивать: хочу ли я заплатить жизнью за право украшать твою коллекцию, а теперь что ж, теперь все можно, поскольку мне уже давным-давно пофигу...

— А чего ты, кстати, его прикормил?

Я даже не понял поначалу, о ком речь. Устремил на нее вопрошающий взор: уж не чеширский ли кот бродячий примерещился в подоконном сумраке? Потому что мне иногда чудится этот кот: знаю ведь, что нет его, но безглазая тень улыбочивой усатой морды, не то дух-хранитель комна-

ты, не то просто зооморфное фамильное привидение, чуть не ежедневно пугает меня очевидностью своего потаенного присутствия в доме.

— Я Мика имею в виду. По-моему, он скучный. Обычный студент Политеха, таких в кофейне под моим домом табуны, вечно очередь из-за них...

Вот те раз! Сама же привадила его ко мне, а теперь — «зачем прикормил»?!

— Вообще-то я думал, он за тобой ходит.

— «Ходит»? Какой ты, однако, тактичный... Ну, будем считать, что именно «ходит». Но его «походка» мне остро... как там дальше? Это ж твой неологизм был... а, вот ...пиздебенила. Остопиздебенила, ага. В тебе умер великий лингвист, Макс. Временами он попахивает, но это не беда: в каждом кто-нибудь да умер, все мы — ходячие саркофаги... И вообще ты лучше всех, правда-правда. А Мик зануда. Если он будет сюда к тебе каждый вечер шляться, через месяц ты от тоски повесишься на кухне, над плитой Ковальчуков, вот увидишь!

Перспектива безрадостная, что да, то да! Поверхность соседской плиты никогда не казалась мне ландшафтом, достойным взора умирающего героя. Был бы обрусевшим немцем, непременно сказал бы «пфуй!» — но поскольку немец я лишь на четверть, по обрусевшему задолго до моего рождения деду, оный фонетический шедевр остался лежать под завалами прочего невысказанного словесного мусора.

— То есть я теперь должен помочь тебе избавиться от этого несчастного юноши?

— Ну... как бы да. Он никчемность и позорит своих великих предшественников. — Ташка улыбается лукаво, одним уголком рта, прикусив слегка пухлую нижнюю губку — эту улыбку я хорошо помню с тех доисторических времен, когда был еще не старым другом, а новым знакомым, и перед нами обоими маячили ошеломительные эротические перспективы.

Убедившись, что сердце мое начало понемногу подтаивать, как извлеченный из морозилки пакет с субпродуктами, она деловито продолжает:

— Невозможно отделаться от человека, который все время сидит у тебя в гостях. Я-то ведь тоже тут сижу. И он думает, будто мы сидим у тебя вместе. Это ужасно.

— Паучиха, — ласково говорю я. — Маленькая, прожорливая паучиха. Будь по-твоему. Отлучим его от церкви, уговорила.

Главный герой предстоящей нам бытовой драмы тем временем вернулся из уборной. Смотрит на нас подозрительно — тоже мне, ревнивец! Мы все же не пара разнополых павианов, которых на пять минут без присмотра оставить нельзя. Да и что можно успеть за пять-то минут? Разве только вычеркнуть его из дальнейшего повествования, это да, дурное дело нехитрое...

3. АВАТАРА

(Др. — инд. avatara, «нисхождение»), в индуистской мифологии нисхождение божества на землю, его воплощение в смертное существо...

— Что это за привидение? Как такое может быть?

Я опешил. Растерянно смотрел на женщину, которую мне представили всего несколько секунд назад. Тревожная, почти мучительная для моего зрения оправа красных одежд, затейливые спирали веснушек на сливочной коже, маленький бледный рот, глаза темные — недобрые, к слову сказать, глаза, — но трогательные ямочки на щеках и почти младенческие золотые кудряшки. Станный набор примет, привлекательный и вряд ли фотогеничный (примечание моего «внутреннего фотографа», которого, в отличие от сумки с аппаратурой, непросто оставить дома). Оля, Ольга — вот как ее звали. Или Олла: с ударением на последний слог —

для друзей, а на первый — для городских сплетников. Хельга — для клиентов: варяжский орнамент в южном городе особенно привлекателен, ибо сулит прикосновение к акварельной северной прохладе, а потому, вероятно, приравнивается к кондиционеру (пусть даже неисправному).

— Не человек — выдумка какая-то! Не знаю только чья...

Мое изумление достигло крайних пределов, я в неловкой позе навис над диваном, на краешек которого всего четверть секунды назад намеревался скромно, но с достоинством опуститься. Стоп-кадр. Статуя скульптора Пеония из Менде «Купидон, замерший над ночною вазою», — вот как это, вероятно, выглядело.

Из-за моей спины раздавались звучные хлопки, производимые длинными ресницами Ташки. В течение двух долгих, жарких, ароматных майских недель она сулила мне встречу с таинственной Оллой-Хельгой, величайшей гадалкой причерноморских степей, пиковой дамой кофейных подворотен, владычицей тайной службы астрологической помощи, генеральшей приворотно-отворотных войск и прочая и прочая. Ей, Ольге, моя подруга, скорее всего, тоже обещала нечто невероятное в моем лице, интриговала, привирала, кружила голову. Наташка — замечательная, маленькая светская лгунья; слушая ее восхищенные отчеты о друзьях-приятелях, можно заключить, что рассказчица снимает дачу в какой-нибудь стране фей. Она сама, впрочем, в этом и не сомневается.

И вот сценарий моего визита к гадалке Оле (Олле? Хельге?), порожденный добрым сердечком мечтательницы Таши, летел в тартарары. Главные герои не выучили текст; они даже не потрудились его прочитать, а потому вели себя совершенно неадекватно. Ольга озадачивала нас бессмысленными вопросами, вела диалог в агрессивной манере, словно мы с нею — не хозяйка и гости, а боксеры-легковесы, впервые выпущенные на ринг; я же, вместо того, чтобы отрабатывать сомнительную славу главного

городского болтуна, молча пялился на хозяйку, неловко оттопырив зад в направлении кожаного дивана афроамериканских стáтей.

— Ну и что вы оба так на меня уставились? — невозмутимо спросила Ольга. — Мне положено вести себя эксцентрично, это мой хлеб. Или вы предпочитаете крылья летучих мышей под потолком, скелет в шкафу и чучело совы на столе?

— Пожалуй, нет, — дар речи постепенно ко мне возвращался, — это будет слишком похоже на кабинет биологии в средней школе.

— Вот и я так думаю, — неожиданно легко согласилась наша хозяйка. — Знаешь, тебе не следует садиться на диван. Он слишком мягкий, ты там раскиснешь. Лучше на стул... да не на этот, на другой. Спиной к окну, вот так. А на диван мы усадим Наталью.

— Я тоже раскисну, у меня похмелье, — гордо сообщила Ташка, обрушивая в темную нежность дивана все свои сокрушительные сорок семь килограммов.

— Тебе можно киснуть, тебе у меня даже спать можно, тебе вообще все везде можно... пока можно. Пока.

— Почему «пока»?

Ольга не отвечает, она садится напротив меня и глядит мрачно, исподлобья. Тон у нее, тем не менее, дружеский, доверительный — если только слушать голос, а в глаза не заглядывать.

— Этой маленькой женщине, нашей с тобой подруге, можно все, представляешь? Не только здесь, у меня дома, а вообще все. И эта лафа будет продолжаться, пока она не выйдет замуж. Тогда — финиш. Ничего от ее удачи не останется.

— Ну не выйду я замуж, не выйду, — досадливо бурчит Ташка. Она явно слышит это пророчество не впервые. Возможно, когда-то обещание несчастливого замужества произвело на нее глубокое впечатление, но не сейчас. Сейчас ей наплевать.

— Есть у тебя такой шанс, — соглашается гадалка. — Но очень-очень маленький, — резко оборачивается ко мне: — Эй, Макс или как тебя там на самом деле зовут...

— Именно так и зовут.

Но Ольга меня словно бы не слышит.

— ...присматривай за этой девочкой, забивай ей голову всякими лживыми глупостями, обещавай золотые горы или отправь в ашрам какой от греха подальше — лишь бы не вздумала замуж выскакивать. Ей нельзя.

— Никому нельзя, по-моему, — ее страстный монолог о Ташкиной судьбе понемногу начинает меня забавлять. — Я вообще противник института брака...

— Это как раз полная ерунда — все, что ты говоришь, — вдруг рассердилась Ольга. — Проще простого быть противником какого-то там «института»; куда труднее заботиться об одном-единственном живом человечке — вот хотя бы об этой женщине, которой ни в коем случае нельзя выходить замуж... Впрочем, зря я прошу тебя о ней позаботиться. У тебя не получится, не твое это дело. Ну и не надо!

Куда-то не туда нас занесло — так мне, во всяком случае, показалось. В таких ситуациях проще пожимать плечами, чем отвечать. Этим полезным физическим упражнением я и занялся. Оно укрепляет мышцы плечевого пояса, предотвращает сколиоз и, возможно, даже продлевает жизнь, как всякий мудрый поступок. Ольга (ни «Олла», ни «Хельга» в моем сознании пока не укоренились, для меня она была Оля, Оленька, а то и вовсе Олька), как ни в чем не бывало, принялась хлопотать по хозяйству. Нам был явлен пузатый чайник с алыми маками на фаянсовом брюхе; шоколадная тьма буфета породила разнокалиберные чашки. Мед в деревянной миске изрядно подсох, зато холщовый мешочек для чая дразнил воображение тонкими травяными ароматами. Ташка косилась на меня смущенно и испытующе, словно бы пробовала на вкус мое настроение, обнаруживала там некую подозрительную горчинку и была заранее готова взять на себя ответственность за ее появле-

ние. Зря, кстати: я был скорее заинтригован, чем разочарован. И вообще — не волоком же она меня через весь город сюда тащила! Сам притопал как миленький: кошачья погибель — любопытство — и крупного примата до цугундера доведет.

— Это чай, его надо пить, — сурово сообщила хозяйка дома, наделяя меня лазурной чашкой, предназначенной, вероятно, для повседневных нужд титанов и прочих мифологических громил. Ароматная жидкость, однако, золотилась на доньшке. Аккуратная девичья порция в нечеловеческих размеров сосуде. Нелепо, негармонично, но впечатляюще, как и весь первый раунд нашего знакомства.

— Гадать на картах я тебе не стану и по руке не стану, даже видеть твои руки не хочу, — внезапно заявила Ольга, усаживаясь напротив. Колени потянула к подбородку; длинная красная юбка, впрочем, не оставляла мне шансов получить хотя бы смутное представление о форме ее ног. Взяла свою чашку, по запястьям, дребезжа, заскользили тонкие металлические браслеты, трогательные бисерные ниточки и пластмассовая цветная дребедень.

— Жалко. Мне еще никогда толком не гадали. Сколько раз брались, и всегда что-нибудь случалось в последний момент, — я демонстративно отставил в сторону чашку, дескать, и чаю мне твоего не надо, раз такой облом.

— Правильно. И всегда так будет, — безмятежно пообещала Ольга. — Ты на картах и сам гадать можешь распрекрасно. Только не вздумай по книжкам учиться. Сам нарисуй себе свою колоду и гадай всем желающим. И не спрашивай меня, как. Стоит один раз попробовать, и вопросов у тебя не останется.

Таша виновато ерзала на диване. Она-то сулила мне феерический гадательный сеанс с разоблачением всех кармических нелепостей моей непростой биографии. Странное дело: с тех пор, как мы переступили порог этого эзотерического притона, я не сказал ей ни слова. Ольга каким-то образом умудрилась заслонить от меня весь мир, хоть и

была не слишком приветлива. Вообще-то я люблю, когда окружающие ведут себя так, словно они меня обожают. Искренности я не требую; ритуального танца вполне достаточно. Но он совершенно необходим.

— Так что, кина не будет? — уточнил я, с тоской поглядывая на отставленную чашку: сей протестующий жест теперь казался мне преждевременным: пить-то хотелось, и еще как.

— Ну почему же. Будет тебе кино. Просто немножко другое кино. «Кино не для всех», — так это, кажется, называется?

— Ага, что-то в таком роде, — мне вдруг стало смешно. Веская причина принять ее угощение, и я залпом выпил остывший уже чай. Каждый глоток отличался от предыдущего: первый походил на обычную кипяченую воду, второй — на слабый травяной отвар, слегка подслащенный; интенсивность вкусовых ощущений нарастала с каждым глотком, последний был и горек и сладок одновременно — почти невыносимое, но будоражащее сочетание. Потом-то, задним числом, я понял, что в метаморфозах Ольгиного угощения не было ничего необъяснимого: просто на дне чашки покоился мед, темный и вязкий, как речной ил, а я не потрудился размешать напиток. Блаженны рассеянные: мы живем как во сне, со всеми вытекающими последствиями.

Гадалка вдруг приложила палец к губам, кивком указала мне на Ташку. Я глазам своим не поверил: моя подружка, кажется, задремала, забившись в угол дивана. Так быстро засыпают (и так блаженно сопят) только очень маленькие дети — если их хорошенько выгулять на свежем воздухе, а потом от души накормить. У двадцатипятилетних женщин, страдающих, к тому же, непреходящим легким похмельем, это происходит несколько иначе — так мне, во всяком случае, до сих пор казалось.

— Она маленькая и очень хорошая, — почти интимным шепотом поведала мне Ольга. — Это редкость: такие ма-